Содержание

Вступление 5
Пролог 8
Часть I. Эвномия. Благозаконие. 11
Часть II. Из бесед с Заратустрой 34
Эпилог. 41
Изречения спартанцев после Ликурга в хронологическом порядке 42
Изречения известных спартанцев из разных источников 94
Изречения неизвестных спартанцев 96
Изречения спартанских женщин 107
Изречения неизвестных спартанок 109

Вступление

Я обратился к опыту создания государственного строя в Спарте не просто так. То время, которое мы сейчас с вами переживаем, можно без всякого преувеличения назвать временем утраты идеалов и ориентиров. В погоне за призрачными химерами коммунистического рая на всей земле мы разрушили нашу российскую империю, одно из самых великих государств за всю историю человечества. В попытках построения коммунизма мы отстали от всего мира в развитии на десятки лет. Мы пробовали идти путем американского капитализма, и перед нами открылись такие зияющие пропасти, о которых нам лучше было бы вообще никогда не знать. Куда нам идти, что взять за образец? Много ли времени у нас осталось на раздумья? Похоже, что нет. Время неуклонно сжимается. В том, что мир ожидают глубокие и серьезные потрясения уже никто, пожалуй, не сомневается. Логично предположить, в будущих потрясениях выживут только самые сильные и сплоченные народы.

Все это и похоже, и одновременно не похоже на время Ликурга. Похоже в том, что то время, когда Ликург начал создавать свою Спарту, было, как и у нас, смутным временем. Ликургу, пожалуй, единственному удалось создать целое государство аристократов духа. Государство, которое просуществовало более 500 лет, пока коррозия имущественного неравенства окончательно не разъела его монолитную структуру. Государство, которое вошло в историю высочайшими примерами человеческой доблести и благородства. Такова была Спарта, которую создал Ликург.

Пролог

Я, Ликург, сын спартанского царя Эвнома, брат спартанского царя Полидекта, хочу рассказать вам о наших законах, которые сделали Спарту самым сильным государством в Греции, а спартанцев — самыми сильными воинами в мире.

Когда у моего старшего брата родился племянник, я оставил свой трон и добровольно передал ему власть. Потому что так велит наш закон, чтобы власть передавалась старшему сыну и далее шла по его ветви. Чтобы не было борьбы и лишних споров, я взял моего новорожденного племянника, положил его на трон и сказал спартанцам: «Вот ваш царь», а сам пустился в странствия. О, это было смутное время для Спарты, и душа моя жаждала для моего народа порядка, но не тиранического порядка одной руки и одной воли, а порядка, в котором власть будет дарована всему народу. Душа моя жаждала этого порядка, но тогда я еще не знал, каким он должен быть и как его осуществить.

Во многих частях земли побывал я в поисках лучших законов для моей Родины. Я побывал в Египте и нашел, что царская власть там священна, и покушение на царя есть величайшее святотатство, но вся власть в Египте принадлежит одному человеку, его ошибки будут губительны для всего народа. Еще нашел я, что в Египте все люди разделены по сословиям и особенно почитается сословие воинов, что показалось мне полезным в государственном устройстве. Я побывал в Израиле и нашел правильным, что все иудеи — и цари, и священники, и простолюдины — подчиняются закону, но их закон, за-

Часть I.
Эвномия. Благозаконие

Пусть народ будет разделен и по мессу жительства, и по племенам. Высший совет — герусия[1], пусть правит страной. Пусть в герусию вместе с царями входит 30 человек убеленных сединами старцев, своей жизнью доказавших доблесть и мудрость, а народ пусть каждый месяц собирается у реки Эврот между Бабикой и Кнакионом[2] на собрания. Там пусть народу предлагают решения, которые он может принять или отклонить. У народа пусть будет высшая власть и сила. Позже поэты воспели деяние это:

Пусть верховодят в совете цари богочтимые,
Коим всерадостный град на попечение дан,
Вкупе же с ними и старцы людские, люди народа,
Договор праведный чтя, пусть в одномыслии с ним
Только благое вещают и правое делают дело,

---

[1] В герусию на выборной основе входили 28 старцев (не моложе 60 лет) и 2 царя (не моложе 30 лет). В геруссию выбирали на народном собрании (апелле) самых доблестных и самых мудрых пожизненно, и для них это была великая честь.

[2] Бабика и Кнакион называются в настоящее время Энунтом. Аристотель говорит, что Кнакион — река, Бабика — мост. Между двумя этими пунктами происходили в Спарте народные собрания. Ни портика, ни другого какого-либо здания там не было: по мнению Ликурга, это не только не делало присутствующих умнее, но даже вредило им, давая им повод болтать, хвастаться и развлекаться пустяками, когда они во время Народного собрания станут любоваться статуями, картинами, театральными портиками или роскошно украшенным потолком здания Совета.

Часть II.
Из бесед с Заратустрой

Во время своего тридцатилетнего путешествия я побывал в Персии, и там в одной из горных пещер я повстречал Заратустру[10]. Давно не беседовал с таким красноречивым человеком, хотя у нас в Греции много блестящих ораторов. Мы много с ним спорили, и лишь в очень немногом я смог с ним согласиться.

О государстве. Ты сказал мне, что государство — это ложь, Заратустра. Да, государство — это ложь, но ровно в той мере, в какой любое слово изреченное есть ложь. Государство есть форма жизни народа: не будет формы, и негде будет жить. Все дело в том, по народу ли его дом, на прочных ли основаниях он построен? Устойчивы ли эти основания, не рассыплются ли они под напором огня, воды и ветра.

И сейчас у нашего государства много врагов. Они говорят: «Время государств прошло, а на смену им идет время всемирных корпораций». Мне не нужны всемирные корпорации, Заратустра. Верю, если бы ты дожил до сегодняшнего дня и посмотрел в их зловещие пасти, пожирающие всякую живую жизнь, ты трижды пожалел о сказанных тобою словах.

Враги говорят, что государство нас угнетает, а сами только и мечтают, чтобы прорваться через наши границы, завладеть нашими ресурсами и сделать нас рынком потреблениях своих электронных по-

[10] Имеется в виду тот самый Заратустра, про которого писал Ницше в своей книге «Так говорил Заратустра», да простят автора ревнители истории.

Эпилог

Когда я увидел, что сама Спарта и мои мечты о порядке и гармонии в Спарте стали близки к реальности, и многие иностранцы стали принимать ее за образец правильного государственного устройства, в котором господствуют доблесть, порядочность и справедливость, я решил покинуть город. А еще я пошел на маленькую хитрость. Я взял со своих сограждан клятву, что они не будут менять мои законы до моего возвращения. А сам пошел в Дельфы к оракулу. Оракул подтвердил, что мои законы лучшие в Греции, и покуда Спарта будет их чтить, она останется непобедимой.

Так оно и было почти 500 лет. Никто не мог нас победить в открытом бою. Да нам и ненужно было побеждать, часто одного слова спартанского посла было достаточно, чтобы усмирить строптивых. Спартанцев стали приглашать во все уголки Греции и за ее пределы в качестве гармостов (дословно «вводящие в порядок», греч.) и софронистов (наставников для царей и народов), ибо они видели в Спарте как бы добрую воспитательницу, дающую советы для честной жизни и разумного государственного правления. Ведь жизнь человека, как и целого государства, может быть счастлива только тогда, когда она нравственно чиста и находится в мире с самой собой.

Я больше не вернулся в Спарту. Никто точно не знает, как окончил свои дни Ликург. Кто-то говорил, что он умер в Кирре, кто-то — в Элиде. Другие говорили, что он уморил себя голодом в Дельфах. Кто-то сказал, что он окончил свои дни на Крите, где у него было много друзей и почитателей, проводивших после в его честь специальные встречи, получившие название ликургиды. А когда он умер, его прах был развеян над морем, чтобы не дать даже символического повода лукавым людям к изменению заложенного им порядка.